

Е. Б. ВЕСЕЛАГО

ЕЩЕ РАЗ О ЛАОНИКЕ ХАЛКОКОНДИЛЕ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ ТРУДЕ

Несмотря на существование обширной литературы, посвященной византийскому историку XV в. Лаонику Халкокондилу, ряд вопросов, связанных с жизнью и деятельностью этого историка и с критикой текста его труда, не получил еще удовлетворительного разрешения. Вполне понятно поэтому, что новая работа о Лаонике Халкокондиле, опубликованная румынским ученым В. Греку в XIII т. Византийского временника, не может не привлечь внимания всех интересующихся византийской историографией.

В своей статье В. Греку прежде всего останавливается на том, какую форму фамилии Лаоника надо считать правильной. Как известно, существует несколько вариантов этой фамилии, из которых основные: *Χαλκοκωνδύλης* и *Χαλκοκονδύλης*. Первый вариант связывают со словом «светильник» (В. Греку — «лампада»), второй — со словом «кулак» (В. Греку — «перо»).

Е. Дарко, изучивший подлинные рукописи и имевший фотокопии с них, утверждает¹, что в подавляющем большинстве кодексов принято написание *Χαλκοκωνδύλης* как в заглавии, так и в тех случаях, когда это имя встречается в тексте².

Однако, несмотря на то, что в рукописях форма *Χαλκοκωνδύλης* решительно преобладает над формой *Χαλκοκονδύλης* и что это написание принято в новом издании Е. Дарко, правильность этого варианта вызывает некоторые сомнения.

Дело в том, что общее заглавие, включавшее имя автора, написанное в форме *Χαλκοκωνδύλης*, появилось впервые на полях рукописи Vaticanus Palatinus 266, относящейся к концу XV или даже к XVI в.³ Это заглавие моложе основного текста, в который оно попало во всяком случае не раньше XVI в., так как все рукописи, имеющие общее заглавие с формой имени *Χαλκοκωνδύλης*, относятся уже к XVI в. Ранние же рукописи, бесспорно относящиеся к XV в., т. е. написанные немедленно после смерти Лаоника, общего заглавия вообще не имеют. В них указывается только

¹ *Laonici Chalcoscandylae Historiarum demonstrationes emendavit Eugenius Darkó. Budapestini, MCMXXII, pars I, p. I.*

² См., например, *Laonici Chalcoscandylae Atheniensis Historiarum libri decem. Bonnae, 1843, p. 321. 4, 11, 21; 343.10.*

³ *Laonici Chalcoscandylae... emendavit Eugenius Darkó, pars I, p. IX.*

личное имя автора, стоящее перед началом каждой книги⁴. Правда, в одной рукописи⁵, датируемой обычно XV в., перед основным текстом имеется общее заглавие с именем автора, написанным в форме *Χαλκοκανδύλης*. Однако решающего значения эта рукопись не имеет, так как принадлежность ее к XV в. сомнительна, что признает сам Е. Дарко⁶. Таким образом, если основываться только на данных заглавия, надо признать, что они не доказывают еще правильности варианта, выбранного Е. Дарко. Гораздо более важным доказательством в пользу этого варианта является тот факт, что во всех четырех случаях, когда фамилия Лаоника встречается уже не в заглавии, а в основном тексте (и не только рукописей XVI в., но и XV), она пишется в форме *Χαλκοκανδύλης*⁷. Это заставляет признать, что рукописная традиция безусловно передает фамилию Лаоника в форме *Χαλκοκανδύλης* и что, следовательно, выбор этого варианта Е. Дарко с формальной стороны полностью оправдан. Однако имеется ряд фактов, доказывающих, что, хотя в рукописной традиции преобладает форма *Χαλκοκανδύλης*, в жизни был широко распространен вариант *Χαλκοκονδύλης*.

В этом отношении интересны приведенные в статье В. Греку данные А. Г. Кампороглу⁸, которые заставляют признать правильной форму *Χαλκοκονδύλης*. К данным А. Г. Кампороглу можно прибавить и другие. Так, например, известно, что Димитрий Халкокондил сам писал свою фамилию в форме *Χαλκοκονδύλης*⁹. Так же называет его в своих письмах Филельфо, который, зная греческий язык лучше других итальянских гуманистов своего времени, не только пишет эту фамилию в форме *Χαλκοκονδύλης*¹⁰, но и объясняет ее этимологическое значение. По его словам, фамилия «Халкокондил» значит «человек с бронзовым кулаком»¹¹, что несомненно указывает на форму *Χαλκοκονδύλης*. В этой же форме писалась фамилия и Василия Халкокондила, учившего в Риме в начале XV в.¹² В том же варианте эта фамилия существовала в Афинах и в конце XIX в. Все это заставляет признать, что фамилия «Халкокондил» писалась в двух основных вариантах. Один (*Χαλκοκονδύλης*) был принят представителями этой семьи, другой (*Χαλκοκανδύλης*) встречается в подавляющем количестве рукописей. Очень правдоподобно мнение В. Греку, согласно которому в рукописной традиции этот вариант возник оттого, что переписчики, связанные с церковью, часто монахи, приняли более им близкое этимологическое значение, принимая под *Χαλκοκανδύλης* «человека с медной лампадой». Думается, однако, что правильным вариантом является та форма, в которой писали свою фамилию сами Халкокондилы.

К вопросам, до сих пор еще не разрешенным в литературе, относится и вопрос о времени рождения Халкокондила. Сам Лаоник не называет точной даты, но из текста его труда следует, что ко времени его рождения Византия владела не только узкой полосой земли по берегам Черного и Мраморного морей, но и Пелопоннес, за исключением трех или четырех

⁴ Например, Coisl.ianus Gr. 314: Λαονίκου Ἀθηναίου ἀπόδειξις ιστοριῶν πρώτη.

⁵ Bodleianus Gr. Roe XII.

⁶ Laonicus Chalcocandyla..., emendavit E. Darkó, pars I, p. XIX XXIII.

⁷ Ibid., pars II, p. 93. 17; 94.1.10; 113.23.

⁸ См. ВВ, т. XIII, стр. 198, прим. 3.

⁹ E. Legend. Cent-dix lettres grecques de François Filelfe. Paris, 1892, p. 348, 350.

¹⁰ Ibid., p. 190.

¹¹ Ibid., p. 191.

¹² E. Legend. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages — publiés en grec par des grecs aux XV et XVI siècles, t. II. Paris, 1885, p. 305.

венецианских городов, снова принадлежал империи¹³. На основании этого места текста, а также на основании свидетельства Халкокондила, что в таком положении Пелопоннес продолжал находиться до 1446 г.¹⁴, Е. Дарко утверждал, что Лаоник родился между 1432 и 1446 г., а именно, в 1439 г.¹⁵ Эта дата находится, однако, в непримиримом противоречии со свидетельством Кириака из Анконы¹⁶, которому Халкокондил, юноша «исключительно сведущий в области латинской и греческой словесности», показывал в 1447 г. древности Спарты, сам будучи (если принять дату Е. Дарко) восьми лет отроду. Датировка Е. Дарко сомнительна и в силу следующих еще соображений. По мнению Фосса¹⁷, который, правда, не указывает, на каком основании он это говорит, Лаоник умер в 90-годах XV столетия, т. е., если согласиться с Дарко, — всего 50 с чем-то лет. Но у нас есть прямое свидетельство Антонио Колосинаса¹⁸ о том, что Лаоник дожил до глубокой старости.

В. Греку предлагает свое решение вопроса о дате рождения Лаоника. Основываясь на некоторых местах текста Халкокондила, в том числе и на не использованных еще в научной литературе¹⁹, он считает этой датой 1423 год. Однако при анализе привлекаемого им материала В. Греку не учитывает той части свидетельства самого Халкокондила, в которой, как уже было упомянуто, говорится, что он родился в то время, когда Пелопоннес, за исключением нескольких городов, снова оказался под властью Византии. К Византии, следовательно, перешли и бывшие владения Малатесты и Цаккарии. На основании имеющихся пока данных мы знаем, что в подобном положении Пелопоннес мог находиться или в 1429 или даже в 1432 г. Поэтому, до тех пор, пока не будут обнаружены новые материалы, считать 1423 год годом рождения Халкокондила невозможно.

До сих пор не был решен в литературе и вопрос о том, какой Халкокондил был в 1435 г. послом Марии Мелиссины к туркам²⁰ и кто был тот Халкокондил, которого в 1446 г. Константин Палеолог²¹ послал к Мураду договариваться об условиях мира. Или конкретнее: был ли послом Марии историк Лаоник Халкокондил, или его отец, или другой какой-то представитель этой семьи? Был ли послом Константина историк Лаоник Халкокондил?

Прежде всего надо совсем отказаться видеть в после 1435 г. самого автора «Истории». Независимо от того, принять ли за год его рождения дату В. Греку или, тем более, дату Е. Дарко, ясно, что в 1435 году будущий историк по своему возрасту не мог еще быть послом Марии. Следовательно, им был или отец Лаоника или кто-либо другой из Халкокондилов. Основываясь на своеобразии стиля Халкокондила, В. Греку вслед за Мисколчи²² считает, что под местоимением *τοῦτοῦ*²³ не обязательно понимать отца историка, о котором только что шла речь в предыдущем предложении текста. Оба ученых думают, что под этим местоимением может подразумеваться и другой какой-нибудь член этой семьи. Это, ко-

¹³ Chalс., p. 91.

¹⁴ Ibid., p. 349.16.

¹⁵ E. Darkó. Zum Leben des Laonikos Chalkondyles. BZ, 24, 1923/1924, S. 31.

¹⁶ Miscelleana Ciriani. Milano, 1910, p. 202—203.

¹⁷ J. Fabricius. Bibliotheca Graeca, VI, p. 474.

¹⁸ Ch. Hopf. Chroniques Greco-Romanes inédites ou peu connues. Berlin, 1873, p. 244.

¹⁹ Chalс., p. 48.1; 52.14; 74.4; 170.16; 174.10.

²⁰ Ibid., p. 320.20.

²¹ Ibid., p. 343.9.

²² ВВ, т. XIII, стр. 200.

²³ Chalс., p. 320.20.

нечно, не исключено, но поскольку местоимением ὄψος Халкокондил обычно²⁴ обозначает лицо, о котором только что говорил, предполагать здесь другое употребление этого местоимения нет достаточных оснований. Вернее всего это местоимение относится к отцу историка (πατρί δὲ ἡμετέρῳ)²⁵. Дальнейший текст косвенно это подтверждает. Ведь к султану надо было послать человека, которому Мария могла вполне доверять и который был более других заинтересован в благоприятном ответе султана. Таким человеком был именно отец Лаоника: благоприятный ответ обеспечивал ему и Марии власть над Афинами. Поэтому есть основания, и как видим, не только формальные — считать, что послом 1435 г. был именно отец историка. Что же касается посла Константина к Мураду, то В. Греку совершенно справедливо видит в нем самого Лаоника. Приводимые им доводы (подходящий возраст, хорошее знакомство с лагерем турок под Истмом, эпитет «афинянин») вполне это допускают. Особо следует обратить внимание на эпитет «афинянин». Дело в том, что из четырех упоминаний в «Истории» фамилии «Халкокондил» — три раза в рассказе о посольстве 1435 г.²⁶ и один раз в рассказе о посольстве 1446 г.²⁷ — только в последнем случае сказано «Халкокондил-афинянин», т. е. только к послу 1446 г. автор «Истории» применил тот эпитет, каким он определил в начале своего труда самого себя²⁸. Под пером писателя, гордившегося своим афинским происхождением и всячески подчеркивавшего свою близость к традициям Фукидида-афинянина²⁹, такое применение этого эпитета не могло быть случайным. Можно считать, что тогда, когда он говорит «Лаоник-афинянин» и «Халкокондил-афинянин», он говорит об одном и том же лице, т. е. о себе. Халкокондил и по образованию мог быть послом Константина. Что же касается взгляда некоторых исследователей, считавших, что послом Марии и послом Константина было одно и то же лицо, то этот взгляд в силу сказанного выше, теперь должен быть отброшен.

К не выясненным еще вопросам биографии Халкокондила относится и вопрос о том, где был Лаоник после турецкого завоевания.

Основываясь на ряде соображений, первоначально считали, что, после окончательного покорения турками Пелопоннеса, когда двор в Мистре перестал существовать и деспот Фома бежал в Италию, туда же бежал и Лаоник. Это предположение казалось тем более естественным, что еще в 40-х годах в Италию эмигрировал Димитрий Халкокондил, к которому или за которым мог бежать Лаоник. Эмиграция Халкокондила находила себе косвенное подтверждение в наличии в его труде вставных эпизодов, а именно описаний отдельных стран и городов, в том числе подробнейшее описание Венеции. Позднее, однако, стали считать, что описания эти не такого рода, чтобы их нельзя было сделать с чужих слов. Ввиду этого начались новые поиски решения этого вопроса.

Некоторые возможности для этого нашлись в особенностях одной группы сохранившихся рукописей «Истории» Халкокондила. Дело в том, что среди рукописей «Истории» имеются две [Ashburnham 998 (XV в.) и Ottobonianus 309 (XVI в.)], резко отличающиеся от остальных как по заглавию, так и по содержанию. Они включают не полный текст сочинения Халкокондила, но лишь те его части, в которых говорится о событиях,

²⁴ Chalc. p. 249.8.12; 250.12; 287.12; 351.10 и др.

²⁵ Ibid., p. 320.20.

²⁶ Ibid., p. 321.4.11.21.

²⁷ Ibid., p. 343.9.

²⁸ Ibid., p. 3.1.

²⁹ Ibidem.

относящихся только к истории Афин. Учитывая, что имеется рукопись этого варианта «Истории», относящаяся уже к XV в., т. е. к периоду непосредственно после смерти Лаоника, и что — судя по содержанию — этот вариант был оформлен в Афинах, можно предположить, что Лаоник был тесно связан с Афинами и в последний период своей жизни, а возможно, и умер в Афинах. В Афины Лаоник мог вернуться после 1458 г., когда город уже перешел в руки турок³⁰.

Кроме «итальянской» и «афинской» версии ответа на вопрос, где провёл Халкокондил свою жизнь после турецкого завоевания, существует еще версия «критская». Ее пытаются обосновать ссылками на некоторые письма константинопольского ритора Михаила Апостолиса, бежавшего из турецкого плена на Крит.

Среди писем этого ритора имеется восемь, адресованных «Лаонику», «Ему же», «Лаонику-священнику», «Троилу и Лаонику», «Халкокондилу». Сразу после опубликования этих писем Леграном³¹ и Нуаре³² было высказано предположение, что адресат этих писем не кто иной, как историк Лаоник Халкокондил, принявший священнический сан и поселившийся на Крите. Сами Легран³³ и Нуаре³⁴ отождествляли критского священника Лаоника не с историком, а с издателем и схоластиком вышедшего в 1486 г. первого издания «Войны мышей и лягушек». В 20-х годах нашего столетия письмами Михаила занялся Е. Дарко³⁵. На основании их анализа Е. Дарко старается доказать, что в них речь идет действительно об историке Лаонике Халкокондиле и что поэтому первоначальное мнение Миллера³⁶ и Сафы³⁷ правильно. По мнению Е. Дарко, Лаоник, покинув родину, эмигрировал не в Италию, а на Крит, где принял священнический сан и где писал свою «Историю».

С этим никак нельзя согласиться.

Утверждая, что Лаоник, адресат Михаила, не кто другой, как историк Лаоник Халкокондил, Е. Дарко не заметил одного свидетельства писем, не допускающего отождествления этих двух лиц. Дело в том, что в письме № 3³⁸ Михаил называет критский город Кидонию родиной своего корреспондента священника Лаоника. Между тем во вступительной части³⁹ своего сочинения историк Халкокондил называет себя афинянином. Таким образом, поскольку Лаоник, корреспондент Михаила, родился на Крите, а историк Лаоник Халкокондил — в Афинах, отождествление этих двух лиц невозможно. Правда, тут могут возразить, что Михаил Апостолис здесь, вероятно, говорит о Кидонии как о родине Лаоника потому, что она стала «новой» родиной Лаоника, принявшей его уже как эмигранта. Но это возражение следует признать несостоятельным. Родине Лаоника в письмах противопоставлена родина самого Михаила, которую последний называет «моей»⁴⁰, а не «нашей», как следовало ожидать,

³⁰ W. Miller. The last Athenian historian: Laonikos Chalkokondyles. JHS, 1922 (42), p. 29—39.

³¹ E. Legrand. Cent-dix lettres de François Filelfe, t. II, p. 233.

³² H. Noiret. Lettres inédites de Michel Apostolis, publiées d'après les manuscrits du Vatican, Paris, 1889.

³³ E. Legrand. Op. cit., t. I, p. 7.

³⁴ H. Noiret. Op. cit., p. 32.

³⁵ E. Darkó. Neue Beiträge zur Biographie des Laonikos Chalkokandyles. BZ., 27, 1927, S. 276.

³⁶ E. Miller. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque de l'Escurial. Paris, 1848.

³⁷ K. Sathas. Νεοελληνική Φιλολογία. Athèn, 1868, σελ. 74.

³⁸ E. Legrand. Op. cit., p. 234.

³⁹ Chalc., p. 3.1.

⁴⁰ E. Legrand. Op. cit., 242.

если бы и священник Лаоник родился в Византии. Таким образом, письма Михаила Апостолиса не могут быть источником, доказывающим факт эмиграции Лаоника на Крит⁴¹.

Вообще же эмиграция Халкокондила более чем сомнительна. Непонятно, как могло случиться, что его совершенно не знает литература Возрождения. Непонятно, как мог писатель со столь широким кругозором жить в Италии или на Крите, находившемся в сфере ее культурного воздействия, и нигде не оставить о себе следа. А ведь 26 списков достаточно говорят о популярности его труда в конце XV и в XVI в. Литература Возрождения лишь в том случае могла не знать Лаоника, если он жил в тех местах, общение которых с Италией было затруднено. Крит во всяком случае не был таким местом. Известно, например, что гуманисты с Крита работали вместе с гуманистами Италии над изданием древнегреческих литературных памятников, в том числе и над первым изданием Гомера, вышедшим во Флоренции в 1488 г. Они, следовательно, принадлежали к той «литературной республике», о которой говорит Димитрий Халкокондил в предисловии к этому изданию Гомера.

О том, что у Лаоника Халкокондила не прекращалась связь с родиной, говорит ряд фактов. Некоторые из них подчеркивает в своей статье В. Греку. Он указывает, например, что невозможно или по меньшей мере крайне трудно было бы собрать такой большой материал о турках, живя не на территории, занятой ими. В статье впервые приведено много конкретных примеров, доказывающих не только то, что Халкокондил знал происходящее у него на родине, но что он знал это со многими, иногда даже мелкими, подробностями.

К фактам, отмеченным В. Греку, можно добавить и другие. Так, мы уже упоминали, что списки с «Истории» были сделаны в Афинах сразу после смерти ее автора. Следует обратить внимание и на то, рассказывая о сопротивлении «даков», вызвавшем большие репрессии турок, Лаоник не решается назвать имена тех из них, которые оказали туркам наибольшее сопротивление. Если бы «История» писалась не на территории, занятой турками, Халкокондил мог бы назвать имена этих «даков», не боясь мести со стороны турок как по отношению к ним, так и по отношению к себе. Нельзя считать доказательством в пользу эмиграции и то, что Лаоник находит нужным объяснить, почему именно он пишет свою «Историю» на «эллинском» языке. Лаоник как бы оправдывается в этом не потому, что он пишет на чужбине, а потому, что он пишет не на том языке, на котором говорили в то время на его родине, т. е. не на новогреческом. Выбрав «эллинский» язык вместо новогреческого, Лаоник отдал дань любви гуманистов к классическому греческому языку. Такое же отношение к этому языку видим мы и у Кривоула⁴², который, как известно, никуда не уезжал. Все более выясняется, кроме того, что у Халко-

⁴¹ Среди писем Михаила имеется одно (E. Legrand. Op. cit., p. 255), адресованное „Халкокондилу“. Если обратить внимание на то, что во всех рукописях это обращение повторяется или буквально или с незначительными орфографическими изменениями, что перед обращением поставлен артикль, чего нигде больше в письмах Михаила не встречается, то можно думать, что в этом письме речь идет о лице, хорошо в XV в. известном. Им мог быть или Димитрий или Лаоник Халкокондилы. Но даже если этим Халкокондиллом был Лаоник, то его никак нельзя отождествлять с Лаоником-священником, так как он — на это в письме есть прямое указание — жил не в Кидонии на Крите, а где-то очень далеко от Михаила. Да и официальный характер письма резко отличается от писем, адресованных „Лаонику“ и „Лаонику-священнику“.

⁴² Critobuli epistola ad Mechemetem. FHG, V, p. 52.

кондила имеется общий источник не только с Критовулом, но и со Сфрандзи, тоже никуда не уезжавшим из Византии. В Ватиканском архиве имеется анонимная хроника XVI в., рассказывающая о турках. Она начинается с событий 1373 г. и кончается событиями 1512 г. Начало и конец ее потеряны. До 1463 г. рассказ подробен. Это заставляет предполагать использование для этого периода более подробного источника. Текст хроники настолько близок к тексту Халкокондила, что ее можно было бы рассматривать как переложение «Истории» Лаоника или извлечения из нее. Однако, поскольку в этой хронике есть много подробностей, отсутствующих у Халкокондила, следует думать, что и «История» и анонимная хроника происходят от одного источника. Как появление этой хроники, так и ее характер тоже говорят в пользу того, что Халкокондил никуда из Греции не эмигрировал. Если он и покидал родину, то не на длительное время. Возможно, конечно, что события, связанные с борьбой против наседающих турок, не раз заставляли его переезжать с места на место. Умер Лаоник, вернее всего, в Афинах.

Среди доводов, приводимых В. Греку в доказательство того, что Халкокондил никуда не уезжал из Византии, имеется один, с которым нельзя согласиться. Речь идет о так называемом туркофильстве Халкокондила.

Несомненно, что при изучении творчества визант. писателя, жившего в период окончательного завоевания Византии турками, нельзя обойти вопрос о его отношении к завоеванию и завоевателям. Однако правильно понять это отношение можно только в том случае, если рассматривать его в связи со всеми другими сторонами мировоззрения автора, а не ограничиваться ссылками на отдельные его высказывания, часто к тому же произвольно вырванные из контекста. Что касается Халкокондила, то его мировоззрение еще очень мало изучалось. В своей статье В. Греку тоже почти совсем не касается этой проблемы. Поэтому и у него вопрос об отношении Халкокондила к туркам не получил достаточно полной и правильной разработки. Он останавливается на нем главным образом в связи с вопросом об эмиграции Халкокондила. И тем не менее В. Греку считает возможным утверждать, что Халкокондил «вообще очень одобрительно относился к туркам». Никаких прямых доказательств этого В. Греку не приводит, если не считать упоминания о том, что Халкокондил «находит хорошие слова для магометанской веры и ее основателя». Но что В. Греку действительно признает (правда, в значительно более осторожной форме, чем некоторые другие историки) туркофильство Халкокондила, видно и из его интерпретации некоторых мест «Истории». Так, он подчеркивает, что Халкокондил с неодобрением относился к «чрезмерным» требованиям Константина при переговорах с Мурадом на Истме и к «неблагодарности» деспотов, которым будто бы хотел помочь султан, и что он порицал неразумный отказ некоторых народов выплачивать дань туркам. Следует обратить внимание и на то, что В. Греку неоднократно сопоставляет отдельные высказывания Халкокондила с высказываниями Критовула. Такой метод может иметь известное значение при разработке того или иного частного вопроса, например вопроса об эмиграции Халкокондила, но для характеристики мировоззрения писателя подобных сопоставлений, повторяем, недостаточно. Для того чтобы убедительно показать, каково же было настоящее отношение Халкокондила к туркам, надо, во-первых, исходить из изучения всей «Истории» в целом, рассматривая весь комплекс относящихся сюда сведений, во-вторых, найти какое-то руководящее свидетельство, основной принцип, в свете которого и анализировать отдельные факты. Такое сви-

детельство надо прежде всего искать в высказываниях самих Халкокондила и Критовула.

Действительно, можно ли утверждать, что Критовул (без сомнения, оставшийся в Византии) и Халкокондил (почти наверное не уезжавший оттуда), смирившись с завоеванием, оба положительно относились к туркам? Что касается Критовула, то его позиция в этом отношении совершенно ясна. Его ориентация явно туркофильская, и проявляет он ее в чисто восточном духе, раболепно преклоняясь перед новым властителем. Его невозможно поставить на одну доску с Халкокондилем, мечтающим о том, что обстоятельства когда-нибудь изменятся снова в пользу «Эллады», что во главе ее будет стоять царь, «эллин» по рождению, и что страна будет управляться по «отцовским» законам. Это — два принципиально разных подхода к создавшемуся в Византии положению. Именно в свете этого основного расхождения и надо рассматривать отношение Халкокондила к современным ему событиям. Отдельные примеры, приводимые в пользу положительного его отношения к туркам, должны быть сопоставлены с большим количеством других, которые показывают, что Халкокондил трезво смотрел на происходящее вокруг, прекрасно понимая, что значило для его страны турецкое завоевание.

Большое место в статье В. Греку отведено критике текста. То обстоятельство, что «История» осталась незаконченной, сказалось не только в нарушении последовательности изложения, но и на самой его форме. Своеобразный стиль Халкокондила плохо выдержан даже в духе того «эллинского» языка, на котором автор обещал писать. Строй предложения со множеством невыдержанных конструкций и брахилогий, понимаемых с трудом или вообще мало понятных, создает условия, при которых работа по критике текста совершенно необходима. Статья В. Греку вносит в это дело большой и ценный вклад. Конъектуры автора часто интересны, а толкование удачно.

Отдельные конъектуры, однако, вызывают возражения. На некоторых из них необходимо остановиться.

ὡς δὲ ἐς τὴν βασιλείαν κατέστη, τὸν μὲντοι Καντακουζηνὸν Ναζαραῖον ἐποίησατο, Ματθαῖον τοῦνομα. ὁ τοῦτου δὲ πρεσβύτερος παῖς, ὃν ἀπέδειξε βασιλέα τοῖς Ἑλλησιν, ἀφίκετο μὲν τὰ πρῶτα ἐς Ῥόδον... (Боннское издание: 37.19; изд. Е. Дарко: 1.34.5).

В. Греку совершенно правильно указывает на неточность в этом тексте, так как монашеское имя Кантакузина было не Матвей, а Иосаф. Матвеем же звали его старшего сына. В. Греку не допускает, чтобы Халкокондил этого не знал, и считает, что здесь имеется простая описка. Чтобы исправить ее, он предлагает сделать перестановку, а именно поставить *Ματθαῖον τοῦνομα* после *ὃν*. Хотя при такой перестановке получается текст, полностью соответствующий действительности, с предлагаемой В. Греку конъектурой согласиться нельзя.

Дело в том, что ошибка Халкокондила была, может быть, не случайной. Ведь в творчестве Халкокондила определенно прослеживается отсутствие интереса к тому, что касается императоров, в том числе Палеологов. Поэту, если исправить это место в строгом соответствии с действительным фактом, мы, возможно, исказим одну из характерных особенностей мировоззрения Халкокондила. О допущенной им ошибке надо говорить в комментариях или в статьях, но сам текст в этом месте должен остаться неприкосновенным.

В связи с первой конъектурой надо рассматривать и следующую: *καὶ τὴν τοῦ Μισῶν βασιλείως θυγατέρα ἡγάγετο ἐπὶ τῷ παιδί αὐτοῦ Ἀνδρονίκῳ, ἀφ' ἧς ἐγένοντο αὐτῷ παῖδες, πρεσβύτερος μὲν Ἀνδρόνικος, Δημήτριος δὲ καὶ*

Ἐμμανουήλ, οἱ νεώτεροι, καὶ Θεόδωρος. (Боннское издание 38.12; изд. Е. Дарко: 1, 34.15).

В этом месте текста опять говорится об императоре, его семейных делах и именах его сыновей, т. е. опять повторяется ситуация, аналогичная предшествующей. Но в этом случае В. Греку видит уже более крупное искажение текста. Он считает, что перед ἀφ' ἧς выпало несколько слов о жене Иоанна Палеолога, от которой у него было четыре упоминаемых Халкокондилом сына. В редакции, принятой Е. Дарко, получалось, что эти четыре брата были сыновьями не Иоанна, а его старшего сына Андроника. Это не соответствует действительности, поэтому В. Греку предлагает поставить после παῖδες не запятую, как это делает Е. Дарко, а точку с запятой, чтобы „по возможности яснее показать“, что в дальнейшем речь идет о сыновьях именно Иоанна. Против пунктуации, предлагаемой В. Греку, возражать незачем, но совершенно не обязательно считать, что перед словами ἀφ' ἧς не хватает нескольких слов о жене Иоанна, тем более что, судя по критическому аппарату Е. Дарко, никакой лакуны в этом месте текста нет. Очень важно имеющееся в том же аппарате свидетельство некоторых рукописей, в которых после παῖδες стоит δύο:⁴³ Чтение этих рукописей уже ясно показывает, что в дальнейшем речь пойдет не о детях Андроника. Поскольку же в рассказе о женитьбе Андроника не сказано, которым именно сыном Иоанна он был, об этом говорится дальше. Халкокондил пишет: „Старший — Андроник, Димитрий и Мануил — младшие, и Феодор“. Логическое ударение в этом предположении падает на слово „старший“, т. е. подчеркивается, что Иоанн женил наследника престола. Таким образом, это предложение указывает не столько на то, что у Иоанна было четыре сына, сколько на то, что женил он старшего, т. е. наследника, и что у него, кроме Андроника, были еще сыновья.

ἔστι πόλις καλέση οὕτω καλουμένη (Боннское изд.: 89.12; изд. Е. Дарко: 1.83.13).

Название города Calais в рукописях дается в форме Καλέδη. Только на полях одной из них оно написано в форме Καλές. В издании Е. Дарко принято написание Καλέση. В. Греку предлагает вместо рукописной формы Καλέδη писать Καλή δή, хотя сам признает, что δή здесь мало подходит и допустимо только с учетом особенности манеры письма Халкокондила. Что касается варианта, предложенного Е. Дарко, то он основан, по-видимому, на переходе имен собственных третьего склонения на -ης в форму первого склонения на -η. В предлагаемой форме Καλέση Е. Дарко пытается, вероятно, учесть французское написание этого имени и современную эпоху форму склонения. Но в этом отношении более удачной было бы чтение Καλές. Предложенный В. Греку вариант Καλή δή представляется наименее удачным.

... Λιτουάνους, γένος (Боннское изд.: 131.1; изд. Е. Дарко: 1.122.6).

Предлагаемая В. Греку точка с запятой после Λιτουάνους — лишняя, γένος есть приложение к слову „сарматы“⁴⁴. Последние причислялись Халкокондилом к иллирийцам, под которыми в данном случае он понимает славян вообще⁴⁵. Кроме того, нельзя отнести это слово к Λιτουάνους еще и потому, что на странице 134,11 (Боннское издание) Халкокондил ука-

⁴³ Laonicus Chalkokandyla..., emendavit Eugenius Darkó, pars I. p. 34.

⁴⁴ „Сарматами“ Халкокондил называет русских.

⁴⁵ „Иллирийцами“ Халкокондил называет в широком смысле слова славян вообще, в узком — боснийцев.

зывает на принадлежность литовцев к другой языковой группе, чем сарматы. Поэтому изменять здесь пунктуацию, принятую Беккером и Е. Дарко, не стоит.

βασιλεὺς δὲ ὁ Μεχμέτης τὴν δευτέραν ἔτι μετὰ τὴν Βυζαντίου αἴρεσιν ἐστρατεύετο ἐπὶ Τριβάλλους (Боннское издание: 414.12; издание Е. Дарко: 2.176.20).

В. Греку видит ошибку в τὴν δευτέραν, так как поход против сербов, предпринятый после взятия Константинополя, был не вторым, а первым походом турок против них. Считая его вторым, приходится допускать большую натяжку, принимая за первый поход турок после взятия города поход Турахана против восставших в Пелопоннесе албанцев.

В. Греку правильно указывает на трудность понимания этого места. Понять его можно следующим образом. После взятия Византия, царь Мехмет отправился еще во второй (после похода Турахана против албанцев осенью 1454 г.) поход, (а именно в поход) против Трибаллов. При таком понимании этого места уничтожается та искусственность, о которой говорит В. Греку.

τὸ δὲ ἐντεῦθεν ἤδη δο ταῦτα μὲν ἐς τοσοῦτον ἐγένετο (Боннское издание 494.1—497.3; изд. Е. Дарко: 2.246.19—248.24).

Этот текст всегда считался интерполяцией. На это есть уже указание на полях подлинных рукописей. В. Греку считает, что данный отрывок — не интерполяция, а подлинный текст Халкокондила. Он мотивирует это тем, что этот отрывок, во-первых, хорошо связан с предшествующим текстом, а, во-вторых, по языку не отличается от основного текста. То обстоятельство, что данный отрывок служит непосредственным продолжением предшествующего текста, еще не доказывает его подлинность, тем более что и продолжение этого текста⁴⁶, которое В. Греку также признает за интерполяцию, непосредственно связано с предыдущим. Что же касается языка, то считать его идентичным тому, на котором написана «История», невозможно. Предложения длиннее, тяжелее, нет тех простых слов, которые в основном тексте повторяются со стойким однообразием. Наоборот, слова, употребляемые в основном тексте не так часто, идут в разбираемом отрывке подряд. Но самое главное отличие этого текста, признаваемого В. Греку интерполяцией от основного, заключается в том, что в нем встречаются слова⁴⁷, которых совершенно нет в основном тексте. Таким образом, с пересмотром общепринятого взгляда на данное место текста согласиться нельзя.

⁴⁶ Chalco., p. 497.3—498.21.

⁴⁷ πρωτοβεστιάριος, πανσεβάστος и др.